

Напольских В. В. (Ижевск)

Удмуртские этимологии.

1. Тюркизмы с разными истоками.

1. 1. Алангасар.

Удм. *alangasar* ‘мифический великан’¹ встречается, кажется, только у Г. Н. Потанина в легенде о происхождении людей и средневековых городищ, записанной в с. Верхний Утчан совр. Алнашского р-на Удмуртии [Потанин 1884: 191-192] (и в словаре Б. Мункачи это слово дано со ссылкой только на Г. Н. Потанина [Munkácsi 1896: 23]). Даже по данным Г. Н. Потанина жители других деревень бассейна р. Варзи, видимо, не знали этого слова, называя мифических создателей средневековых городищ *nugoj* (← тюрк. *noğaj* ‘ногайцы’) или *kurok* (букв. ‘разбойник’ ← булг.: чув. *χoraχ* ‘тж’ [Wichmann 1903: 84] или из тат. *qaraq* ‘тж’), а в записанной в 1936 г. в Верхнем Утчана аналогичной легенде гиганты-строители городища Карйыл гурезь [Ватка но Калмез: 17-18] названы уже *asaba* (← тат. *asaba* ‘владелец наследства; старейший и самый уважаемый в роду, в деревне’ ← араб. *عصبي* [*ʕaṣabi*] ‘родственник по мужской линии’ [Алатырев 1988: 124]). Эти обстоятельства заставляют видеть в *alangasar* ‘мифический великан’ типичный *haraq*, обязанный, вполне вероятно, какой-то случайности, а не сколько-нибудь широко распространённое слово удмуртского языка.

С другой стороны, в словаре Ю. Вихманна зафиксировано удм. (малм.-урж.) *alangasar* ‘ленивый, глупый, невнимательный’ [Wichmann 1987: 5], которое является заимствованием из кыпчакских языков: башк. *älängäsär* ‘невнимательный, суетливый’, ст.-тат. *alañğasar* ‘нерешительный’ и др. [Ахметьянов 1981: 15]. Это тюркское слово было предложено рассматривать как композит из тюрк. (кыпчак.) **alaj* ‘удивлённый, сомневающийся’ и **äsär* ‘тупой, ленивый’ [Напольских 1997: 116-117].

Р. Г. Ахметьянов приводит в связи с данным словом и личные имена легендарных героев и правителей: ст.-тат. *Alanğasar-alif* ‘халиф Алангасар’, тат. *Alañğasar Alman-bi* ‘князь Алангасар Алман – сборщик налогов’, казах. *Alanğasar-alpar* ‘богатырь Алангасар’, караим. *Alañğasar* ‘имя сказочного храбреца’ [Ахметьянов 1981: 15]. Большинство приводимых у Р. Г. Ахметьянова имён, видимо, происходят из эпических текстов, так, *Alañğasar Alman-bi* – персонаж татарской версии эпоса об Идиге, несколько раз упоминаемый там в ряду других беев Тохтамыш-хана [ИД, VIII-XI]. По всей вероятности, такое имя носил реальный исторический персонаж, поскольку он присутствует и в других версиях этого эпоса, например, в недавно изданной каракалпакской версии эпоса об Эдиге о главном бее Тохтамыш-хана говорится: *bahadyr sajuby yuryjy | Alañğasar Bajnazar | batyr edi yällayar* ‘богатырь-воевода | Алангасар Байназар, | героем был он, мошенник’; именно Алангасару Байназару поручает Тохтамыш убить Эдиге, но тот отказывается, говоря, что Эдиге достиг возраста джигита, четырнадцать лет, и убить его он, Байназар, уже не сможет [Edige: 179, 189, 284, 296]. Таким образом, можно говорить о существовании у кыпчаков по крайней мере с конца XIV в. личного имени или прозвища *Алангасар*.

Примерно тем же временем датируется и первая фиксация предания о великане-*алангасаре* в кыпчакской среде. В записках проведшего более 30 лет в конце XIV – начале XV вв. в плену и на службе в Золотой Орде немецкого рыцаря Иоганна Шильтбергера сообщается: “был когда-то великан, который на языке язычников (обычное обозначение мусульман у Шильтбергера, в данном случае – специально золотоордынских тюрков-кыпчаков) звался Алангасар (*Allankassar*), и это был очень высокий и большой человек. Он жил в египетском городе Миср, который христианами называется Каир и является столицей короля Султана. Как-то раз этот великан в один день принёс для каждой из двенадцати тысяч

¹ Здесь развивается и дополняется этимология, предложенная ранее в [Напольских 1997].

хлебных печей города по вязанке дров, так что их хватило для того, чтоб протопить все эти двенадцать тысяч печей. И каждый пекарь дал ему от своей печи по хлебу в награду – и он, таким образом, съел в один день двенадцать тысяч хлебов. Берцовая кость того самого великана лежит в Аравии между двумя горами, над глубоким скалистым ущельем. В том ущелье течёт река, но так глубоко, что её не видно, а только слышен шум воды. И в этом вот ущелье положена берцовая кость великана в качестве моста. Всякий путешествующий там, верхом или пешком, проходит по этой кости” [Schiltberger 2000: 120]. Египетская локализация предания однозначно свидетельствует о его кыпчакском происхождении: в этот период в Египте правили мамлюки (Мамлюкский Каирский Султанат), большая часть которых происходила из золотоордынских кыпчаков.

Таким образом, удм. *alangasar* ‘мифический великан’ является, видимо, очень локальным поздним южноудмуртским заимствованием из татарского языка. Данное слово, по всей вероятности, возникло в языке золотоордынских кыпчаков как композит из **alaj* ‘удивлённый, сомневающийся’ и **äsär* ‘тупой, ленивый’ не позднее конца XIV в., во-первых, для обозначения мифического глуповатого великана, во-вторых – в качестве прозвища или имени (возможно, типичное имя-оберег, даваемое ребёнку для того, чтобы на него не позарились злые силы). Следовательно предположение Г. Н. Потанина [Потанин 1884: 192], воспроизведённое Ю. Вихманном [Wichmann 1987: 5] и известное в работах некоторых современных авторов, о том, что в этом слове отражены этнонимы *алан* и *хазар* и имевший в прошлом контакт предков удмуртов с этими народами, не имеет никаких оснований.

1.2. Албасты.

Удм. *albasti* – название злого длинноволосого духа, живущего на периферии освоенного человеком пространства, портящего скот, душащего во сне людей, похищающего младенцев ← тат. *albastâ* ‘тж’ [Csúcs 1990: 100-101]. Татарское происхождение удмуртского слова не вызывает сомнений, интерес представляет установление его конечного источника. Прежде всего следует иметь в виду, что рассматриваемый термин имеет очень широкое распространение (нижеследующая сводка составлена по [Dörfer TME II: 109-111; VEWT: 14; Стеблин-Каменский 80-81]).

Это слово в значении, близком к удмуртскому, широко представлено в тюркских языках, где имеет в основном форму *albastu*, отклоняющиеся от неё: карач. *almasty*, карак. *albasly*, туркм. *albassy*, чув. *alpas, alpasta* (← тат. [Федотов I: 35-36]), ново-уйг. *al-baskan* ‘ночной дух’ (явное переосмысление имени в духе народной этимологии). Не совсем ясно, следует ли сюда относить якут. *abäsy* ‘зло, злые духи’ (→ эвенк. *abasī*, эвен. *abahī*). Якут. *albas* ‘волшебство, чары’, телеут. *almys* ‘злые духи’, сойот. *albys* ‘тж’ являются, по-видимому, заимствованиями из мо. *almas* ‘ведьма, чёрт’, едва ли имеющего отношение к тю. *albastu*; с другой стороны, мо. *albin* ‘ночной демон женского пола’ семантически сходно с *albastu*, а *-in* может рассматриваться как монгольский суффикс. Из тюркского (татарского ?) заимствовано рус. *албаста, лобаста* ‘водяной или домашний дух в виде длинноволосой женщины’, из татарского или чувашского – мар. *alβasta*, при этом мар. (Г) *laβasta* скорее происходит от рус. *лобаста*.

С тюркскими словами совпадают и обычно рассматриваются как тюркизмы перс. البستی [*albastī*] ‘страшный призрак, ведьма, колдунья’, тадж. *albasti* ‘тж’. Сложнее со словами памирских языков: сангл., шугн., вахан., ишкаш. *almasti, almaste*, руш., хуф. *alamasti* – название злого демона в виде уродливой длинноволосой женщины с огненными глазами и отвислыми грудями, опасной для рожениц и младенцев, живущей в воде, появляющейся в виде змеи, боящейся огня, собак, коз, лошадей (см. подборку рассказов об *алмасты* [СЛГТ: 199-200]). Во-первых, если рассматривать их как заимствования из тюркского через таджикский, то не очень понятно *m* вместо тю. и тадж. *b* (такая замена в принципе возможна, но непонятно полное господство форм с *m*); оригинальны формы с *ala-*, для возникновения которых специальных оснований в памирских языках как будто нет. Во-вторых, не очень ясны культурно-исторические причины столь широкого распространения и развития

тюркского демонического персонажа в памирских языках (отметим ещё интересную связь образа со змеей – см. ниже). Наконец, особый интерес представляют данные дардских языков: кховар *halmasti* – название демона, особо опасного для новорожденных и непогребённых покойников; жадная небесная собака красного цвета с длинными ногами [Йеттмар 1986: 460-461] – здесь значение слова сильно отлично от тюркского, и причины распространения термина ещё более непонятны (особого внимания заслуживает связь с собакой и красным цветом – см. ниже).

Предлагались различные этимологии этого слова. Приводимая в [VEWT: 14], а вслед за М. Рясяненом – и во многих других работах [Алатырев 1988: 78; Csúcs 1990: 101] этимология от тюрк. **al bastu* букв. ‘красный (злой дух) задавил’ представляет собой типичную народную этимологию. Вызывает определённые сомнения сама возможность субстантивации такого словосочетания (существуют такие конструкции в личных именах, но в демонологии –?). Кроме того, из приведённого выше материала ясно, что в тюркских языках данное слово подвергалось разнообразным попыткам переосмысления, что едва ли возможно в случае со столь прозрачной этимологией. Интересна поправка к этой этимологии, выводящая первый компонент слова из иран. **āl(a)* ‘красный (дух болезни)’ (перс. آل [*āl*] ‘демон, губящий рожениц и младенцев’; название связано, возможно, с распространённым именованием детских болезней по цвету, типа *краснуха*, *скарлатина* ← итал. *scarlatto* ‘тёмно-красный’ и т. п. – см. этимологию [ЭСИЯ I: 309] – замечу ещё, что в связи с праиндоевропейским происхождением иранского слова тюрк. *al* ‘алый’ в любом случае следует, видимо, рассматривать как иранизм) + тюрк. *bastu* [Dörfer II: 111; Стеблин-Каменский 1999: 81]. Ниже мы вернёмся к этой поправке.

Совершенно надумана этимология от тюрк. **alp bastu* ‘богатырь задавил’ [Федотов I: 36]: во-первых, такая форма не представлена ни в одном тюркском языке, во-вторых, тюрк. *alp* ‘герой, богатырь, витязь’ едва ли применимо к злему демоническому существу женского пола. Другая вариация на ту же тему – от тюрк. **alp* ‘трудность, испытание, опасность’ и **bastu* ‘задавил’ (в связи также с семантикой предполагаемых производных от **alp*: алт. (куу-кижи) *albyr*, телеут. *almur* ‘сходить с ума, беситься’) [Dörfer II: 109] – также ничем не лучше, и представляет собой того же рода этимологию ad hoc. С фонетическими трудностями встречается старое объяснение через форму типа **alamaste* от имени зороастрийского бога *Ahura-Mazda* (цит. по [Dörfer II: 109-110]); кроме того, хотя переход значения ‘(старый, чужой) бог’ > ‘демон’ является обычным, особенности образа *албасты* (женский пол, опасность для детей и рожениц и т. п.) не имеют никакой связи с Ахура Маздой.

Самое же главное обстоятельство состоит в том, что в названных выше версиях исследователями игнорируется древнейшая фиксация интересующего нас персонажа в Междуречье с конца II тыс. до н. э.: аккад. *lamaštu* – имя демона женского пола, вызывающего родовую горячку, мертворождения и смерть и болезни младенцев. *Ламашту* изображали в виде волосатой женщины с львиной головой и ослиными зубами, с длинными когтями и отвислой грудью, которой она кормит собаку и свинью, держащей в руках двуглавых змей (см. рис.) [Keel 1972: 68-72; Фоссе 2001: 85] (см. также комментарии ассиролога на <http://www.gerodot.ru/viewtopic.php?t=12946>). И функции, и иконография аккадской *Ламашту* полностью согласуются с рассмотренными здесь демоническими персонажами тюркских, иранских и др. традиций. Гипотеза о происхождении *Албасты* от *Ламашту* была предложена Г. А. Климовым и Д. И. Эдельман [Климов, Эдельман 1979]. Имя персонажа, естественно, не могло быть заимствовано тюрками непосредственно из аккадского, поэтому превращение *lamaštu* в *almasti* нельзя объяснить тюркской протезой перед анлаутным **l-*. Посредниками между аккадским и тюркскими языками могли быть арамейский и иранские языки. К сожалению, мне не известно, есть ли в арамейской или сирийской демонологии персонаж, носящий такое имя (интересно, однако, что у айсорров имеются представления о демонах женского пола, опасных для беременных женщин,

рожениц и младенцев – *шашиши* и живущих в хлебах *дешибахты* букв. ‘топчущие женщин’ [Ассирийцы: 161-164, 218-219]). Можно предположить, что первоначально имело место развитие *lamaštu* > *alamasti* в иранских языках по народной этимологии в силу ассоциации начала слова с иран. **āl(a)* ‘красный (дух болезни)’ (см. выше – значение ‘демон’ у перс. *āl*, собственно, может быть результатом вычленения этого элемента из **almasti*) – откуда и появились формы, фиксируемые в памирских языках. Затем это имя было заимствовано в тюркские языки с обычным тю. чередованием *m ~ b*, подверглось в них дальнейшим народно-этимологическим изменениям (прежде всего – в связи с *al basty*, см. выше) и далее тюркская традиция оказала обратное «выравнивающее» влияние в том числе и на иранские (перс., тадж. *albasti* могут рассматриваться уже как тюркизмы).

Вавилонское изображение *Ламашту* (фрагмент бронзового амулета кон. VII – первой половины VI вв. до н. э.). *Ламашту* находится в нижнем (водном) мире, в окружении других демонов, держит в руках двухголовых змей, к её грудям присосались собака и свинья, всё её тело покрыто шерстью, голова – львиная, ноги в виде птичьих когтей. Режим доступа: [<http://www.monstropedia.org/index.php?title=Lamashtu>].

Происхождение аккадской *Ламашту* уходит в ещё более глубокую древность: это имя, вероятно, было заимствовано из эламского *lamaššu*. Эламская богиня *Ламассу*, упоминаемая в связи с восстановлением её разрушенной статуи уже в XII в. до н. э., была покровительницей людей, посылающей благодать, которую цари Элама испрашивали в особом ритуале. У аккадцев богиня их врагов-эламитов стала отвратительным демоном, вызывающим родовую горячку и смерть младенцев, и они помнили о его эламском происхождении: ассирийский царь Ашшурбанапал, завоевав эламскую столицу Сузы в 646 г. до н. э. особо жестоко расправился со статуями *Ламассу* [Хинц 1977: 61-62]. Замечательно ещё, что в аккадской традиции существовал и добрый демон *ламассу* [Фоссе 2001: 71-74] – параллельное заимствование из эламского?

1.3. Арафа.

Бес. *arafa juon* ‘праздник *arafa*’ – название первого дня весеннего праздничного цикла *Акаяшка* у бесермян средней и верхней Чепцы. Вечером в этот день процессия жителей с пением специальных песен (*arafa krež*) обходит деревню, стуча дубинками по

домам и выкрикивая *arafa med potoz, akajaška med p̄roz!* ‘арафа пусть выйдет, Акаяшка пусть войдёт!’ [Попова 2004: 88-90]. Слово заимствовано из тат. (γ) *äräfä* ‘канун праздника; в особенности – канун Курбан-Байрама’ ← араб. عرفة ‘гора Арафат’; также – название 9-го дня месяца зу-ль-хиджа, который паломники в Мекку проводят на горе Арафат перед Днём Жертвоприношения [ГТРАС: 85]. Само по себе заимствование в неадаптированном виде мусульманского термина уже представляет интерес в плане понимания происхождения бесермян, формирования их народной религии и роли в этом процессе ислама. Любопытно в этом смысле, что в обряде безусловно немусульманский бесермянский земледельческий праздник *Акаяшка* (название заимствовано из чувашского [Wichmann 1903: 37-38]) поставлен на место Курбан-Байрама, а мусульманская *Арафа* выступает практически в роли нечистой силы, изгоняемой во многочисленных аналогичных бесермянских и удмуртских обходных обрядах типа *Шайтан уллян*.

1.4. Арвак.

Бес. *aruak* – название коллективной обрядовой трапезы женщин и девушек (вошедшие в возраст девушки получали право посещать молодёжные игрища и посиделки только после того, как примут участие в этом обряде), проводимой вечером после общественных молений на третий (последний) день весеннего праздничного цикла *Акаяшка*, характерными особенностями которой были недопущение на неё мужчин и проведение её в полной тишине. Кроме того, у бесермян так назывались и некоторые другие обрядовые трапезы, и выражение *arvak karon* может обозначать в принципе любой коллективный приём пищи, проходящий в тишине и молчании [Попова 2004: 99]. За пределами бесермянского ареала удм. *arvak* означает ‘жадный, алчный, ненасытный’ и является скорее ругательством [УРС: 32]; Т. К. Борисов зафиксировал интересное магическое средство от жадности: нужно сварить суп из обглоданных собакой костей и дать жадному его съесть. такой суп называется *arvak šid* [Борисов 1991: 17]. Удмуртский материал, как видим, весьма плохо согласуется с бесермянским.

Удм. *arvak* и бес. *aruak* заимствованы из тат. *ärwaḡ* ‘духи, души’ ← араб. ارواح [*arwāḡ*] ‘тж’, множ. ч. от روح [*rūḡ*] ‘душа’ [ГТРАС: 741]. Семантика удм. *arvak* ‘жадный, алчный’, по-видимому, связана с представлениями о жадных голодных духах, наилучшим образом отражёнными в удм. (пер.-ю.) *ašarbak* ‘алчный, жадный’ ← тат. *ašarwaḡ* < *ašärwaḡ* букв. ‘голодные духи’, рассмотренном в [Csúcs 1990: 111]. В бесермянской традиции следует предполагать совершенно иное направление развитие семантики араб. ارواح [*arwāḡ*], которое обозначает ещё и в особенности души умерших, предков, объект поминальных обрядов – здесь опять перед нами свидетельство особой роли ислама в становлении народной религии бесермян. Характерно, что аналогичные бесермянскому обряды под тем же арабским названием бытуют у народов, либо принявших ислам недавно, либо сохранявших в значительной степени реликты доисламской религии, например – у дардских и др. народов Гиндукуша: у калашей во время зимнего и весеннего праздников духов предков *aruā* (← араб. *arwāḡ*) приглашают в селение и предлагают им еду, в этих обрядах большую роль играют женщины; аналогичные духи предков *arwah*, охраняющие семьи потомков и требующие жертвоприношений имеются у буришков и шина [Йеттмар 1986: 236, 381].

1.5. Ашапартна.

Ещё один интересный *hарах*: удм. *Ašapartna* встречается, видимо, только в одном тексте заговора-*пелляськона*, записанном Г. Е. Верещагиным у средне-восточных удмуртов: *emjaško-jumjaško Ašapartnalen kīlīniz-burīniz* ‘лечу-излечиваю наговорными словами *Ашапартны*’. Ни сам Г. Е. Верещагин, ни его информанты не могли пояснить это имя [Верещагин 1889: 37]. В чувашской заговорной традиции имеется персонаж *Ašapatman karčĕk* ‘старуха *Ажабатман*’, имя которой является механическим сложением искажённых *Айша* и *Фатима* – имён младшей жены (араб. عائشه [*ʿāiṣa*]) и любимой дочери (араб. فاطمه [*fāṭima*]) пророка Мухаммеда [Ашмарин II: 211]. Удмуртский заговорный персонаж,

несомненно, имеет то же происхождение. Интерес представляет странная передача имени *Фатима* в удмуртском – через *-rt-*; осмелюсь предположить, что (если это, конечно, не просто ошибка Г. Е. Верещагина) заимствовавшие это слово удмурты слышали имена *Айша* и *Фатима* от знакомого с арабским языком мусульманина, который, возможно, произнося мусульманский заговор, старательно артикулировал сильное араб. *-t-*, и попытались передать особенности этого звука таким нетривиальным (но теоретически мыслимым) способом.

1.6. Бабасыр.

Удм. *babasyr*, (пер.-юж.) *babsyr* ‘вид глистов (власоглав, острица)’ (откуда *babasyr* (*turjn*) название ряда растений, применяемых в народной медицине для лечения желудочно-кишечных заболеваний: ‘белена, *Hyoscyamis niger* L.’; ‘медуница, *Pulmonaria officinalis* L.’; ‘таволга, лабазник; *Filipendula ulmaria* Maxim.’), используется ещё как ругательство и встречается в словарях также в значении ‘злой дух’ [УРС: 36; Csúcs 1990: 116]. Последнее значение впервые представлено в словаре Б. Мункачи, со ссылкой только на материалы Г. Е. Верещагина [Munkácsi 1896: 610], у которого данный мифологический персонаж описывается очень лаконично как дух, который внезапно громко смеётся в лесу [Верещагин 1886: 28]. Слово заимствовано из тат. *babasyr* ‘глисты, боль в животе, расстройство желудка’ ← Араб. *بواسير* [*bawāsir*] ‘геморрой’, множ. число от *باسور* [*bāsūr*] ‘опухоль, нарост’ (в [Ахметьянов 1981: 20-21] дано фантастическое значение удмуртского *babasyr*, в [Csúcs 1990: 116] источник татарского слова почему-то определён как “?”). Специфическое значение слова в языках-источниках позволяет предположить, что в удмуртском основное значение – ‘глисты (и вызываемые ими болезни)’, откуда – употребление слова в качестве ругательства (ср. современное рус. *геморрой*, польское *cholera* и т. п.). Значение же ‘злой дух’ является по всей вероятности опять-таки *hарах*’ом и появилось скорее всего в результате недоразумения: испугавшись внезапного шума в лесу человек мог выругаться, а потребовавший у него объяснения значения слова Г. Е. Верещагин решил, что речь идёт об имени некоего духа.

1.7. Бен / бон.

Удм. (сев., сред.) *ben*, (юж.) *bon* ‘да, именно так’ < **bōn*. Это загадочное удмуртское междометие, по-видимому, происходит через тюркское посредство с обычным для тюркских языков чередованием *m-* ~ *b-* из мо. *mōn* ~ бурят. *mūn* ‘так, правильно, справедливо’. В тюркских языках Поволжья и Предуралья данный монголизм мне, правда, обнаружить не удалось, он зафиксирован, кажется, только в сойотском: *mūn* ‘справедливо, правильно; указанный, тот самый’ [VEWT: 347].

2. Иранские и арийские заимствования.

2.1. Герд.

Удм. *gerd* ‘узел’ ~ коми *gered* ‘тж’ (*-d* ~ *-ed* может рассматриваться как часть старой основы с допермским этимологом типа **kerentz*, переосмысленная как собственно пермский глагольный суффикс) ← вост.-иран. **granθa-* ‘узел’: хот.-сак. *granthä*, согд. *γrʔnš*, ишкаш. *γureḥ* и, возможно, осет. *ælxunc* ‘тж’, далее – перс. *گره* [*gereh*], др.-инд. *granthi-* ‘узел’ и т. д. [ИЭСОЯ II: 51-52; ОИЯ Сред: 242]. Сопоставление пермских слов с др.-инд. *granthi-* предложено в [Katz 2003: 97-98], однако нет никакой необходимости вслед за Х. Кацем предполагать здесь «доарийское» заимствование: речь очевидно идёт о нормальном среднеиранском заимствовании из какого-то восточноиранского языка технического термина (возможно, связанного с ткачеством – ср. ещё перс. *گره فارسی* [*gereh-i fārsi*] ‘персидский узел’ – обозначение специального узла «санайе», применяемого при изготовлении ковров).

2.2. Жог.

Удм. *žog* ‘быстрый, скорый’ ~ коми *regjd* ‘тж’ ~ (?) венг. *rég* ‘давний, давно’, *rögtön* ‘скоро, тотчас’ < ПФУ **reŋkz* ‘тёплый, горячий’ (?) [UEW: 422]. Реконструкция значения в [UEW], конечно, неверная: удм. *žog* ‘жар (в бане)’ следует, видимо, отделять от данных слов, и уж, во всяком случае, никак невозможно считать именно такое значение основным или первичным. Скорее всего, это слово было заимствовано в пермский и венгерский

параллельно из ср.-иран.: осет. *ræxgy* ‘скоро, вскоре’ (< иран. *raγu-* ‘быстрый’ ~ др.-инд. *raghu-* ‘быстрый, скорый’ [ИЭСОЯ II: 388, 393]), *rag* ‘ранний, рано; давно’, *ragon* ‘давний, древний’ (< иран. **frāka-* ‘впереди, завтра, рано, утром’ [ИЭСОЯ II: 340-341]). Впервые сопоставление (вместе с ф. *rikevā* ‘спешно’, манс. *rottj* ‘тут же’) предложено в [Munkácsi 1901: 522-523, 531-532] (у А. Йоки и К. Редей по непонятным причинам даже не обсуждается; в [ИЭСОЯ II: 341] вслед за Б. Мункачи венгерские слова выводятся из иранского).

2.3. Зөр.

Удм. *zer* ‘костёр (растение), овсюг’ ~ коми *zer* ‘овёс’, (диал. с прилагательными ‘лошадиный’ / ‘собачий’ / ‘птичий’) ‘овсюг’ ~ (?) морд. *suro* ‘просо’ [UEW: 766] ← ср.-иран.: осет. *zær(æ)* ‘зелень, трава’ (< ПИЕ **ghel-* ‘зелёный’ [ИЭСОЯ IV: 298-299]).

2.4. Мыж.

Удм. *miž* ‘требование божеством обещанной жертвы и болезнь как наказание от божества за непринесение её, нарушение обета’ ~ коми *miž* ‘вина, провинность’, (коми-перм.) ‘болезнь, кара от божества, от предков’ ~ мар. *muž*, (Г) *māž* ‘болезнь’ ~ хант. (Казым) *mōš* ‘болезнь, вина, поломка, ошибка’ и др. ~ манс. (С) *mos* ‘повреждение, поломка, болезнь’ и др. ~ (?) венг. *-máz* в *hagymáz* ‘горячка, тиф’ < ПФУ **mučz* ‘болезнь’ [UEW: 283]. В принципе ничто не мешает рассматривать обско-угорские слова как ранние заимствования из пермского, в котором слово сохраняет весьма специфическое религиозное значение. Повидимому, довольно старое заимствование в области религиозно-мифологической терминологии из иранского **mīžda-* ‘плата, награда, вознаграждение’ (> ав. *mīžda-* ‘вознаграждение’, парф. *muždag* ‘добрая весть, известие’, хот.-сак. *māḍāna* ‘милосердный’, осет. *muzd* ‘заработная плата, вознаграждение’, перс. *muzd* ‘плата’ и др. [ИЭСОЯ II: 145-146; ОИЯ Сред: 164, 246]) с развитием семантики: ‘плата’ > ‘расплата перед божеством’ > ‘болезнь, вред, наносимый божеством’.

2.5. Укыр.

Удм. *ukjr* ‘очень, слишком’. Слово, кажется, не имеет параллелей в финно-угорских языках. Арийское (иранское ?) заимствование: скиф. ⁺*agar* ‘многий, чрезмерный, избыток’ ~ осет. *ægær* ‘слишком, чрезмерно, с избытком’ (из осет. → чеч. *uggur*, ингуш. *eggir* ‘самый, слишком’) < Пар **a-kara* ‘бесконечный’ [ИЭСОЯ I: 119-120].

3. Уральские и более глубокие параллели.

3.1. Возыны.

Удм. *vožinj* ‘держат, поддерживать, содержать’ ~ коми *vižnj* ‘держат, хранить, беречь’ ~ эст. *viisa-* ‘поджидать, следить’ ~ венг. *vigyazni* ‘уделять внимание, внимательно относиться, защищать, стеречь’ < ПФУ **wića-* ‘смотреть, глядеть’ [UEW: 571]. Семантика эстонского и венгерского слов сильно отличается от пермских. От пермских слов трудно отделять манс. (С) *ōñsi-*, (Лозьва, Пелым, Конда) *āñsi-*, (Тавда) *āñčānt-* ‘иметь; носить, заботиться, содержать’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 386] и, возможно, сельк. *uḍśə-* ‘подниматься, вставать’ [Alatalo 2004: 38] ~ нган. *oand'i- / oansi-* ‘вставать’ < ПСам **āḍnsä-* [Janhunen 1977: 18] (если допустить значение ‘поднимать’ в ПСам – предположение Е. А. Хелимского). Таким образом, реконструируется ПУ **wāñčz-* ‘держат, поддерживать, поднимать’ (эстонское слово, очевидно, придётся исключить из данного этимологического гнезда).

3.2. Керпотыны.

Удм. *kerpotinj* ‘стыдиться, смущаться’ (*potinj* ‘выходить’), *kervajinj* ‘озаботиться, задуматься’ (*vajinj* ‘приносить’; *kervajinj* представлено, кажется, только в [Munkácsi 1896: 146]) в [КЭСК: 112] сопоставляется с удм. *keretinj* ‘доводить до слёз’ (это значение опять-таки присутствует только в [Munkácsi 1896: 146]), ‘ругаться, (шумно) ссориться’ и с коми *kernj* ‘испортить колдовством, навести порчу’. Думается, здесь можно по семантике выделять два разных слова: удм. *kerpotinj* ‘стыдиться, смущаться’, *kervajinj* ‘озаботиться, задуматься’, *keretinj* ‘доводить до слёз’ < *ker* ‘смущение, стыд, озабоченность, огорчение’

(именная основа), отражённое также в *kereg!* ‘жалъ!’ (с нормальным суффиксом *-eg*) [Munkácsi 1896: 146] – с одной стороны, и удм. *keretjini* ‘ругаться, (шумно) ссориться’ ~ коми *kerni* ‘испортить колдовством, навести порчу’ < ППерм **ker-* ‘злиться, наносить вред (колдовством, словами)’ (глагольная основа) – с другой.

Удм. *ker* ‘смущение, стыд, озабоченность, огорчение’ едва ли можно выводить из болгарского: чув. *χѣра* ‘бояться, страшиться’ (< тю. **qorq* ‘бояться’) по вокализму. Однако, к нему имеется безупречная в фонетическом и семантическом отношении параллель, хотя и довольно отдалённая: ПСам **kerz-* ‘стыдиться’ (> нен. *šare-*, камас. *šēr-* и др. [Janhunen 1977: 68]), и таким образом появляется возможность реконструировать ПУ **kerz-* ‘стыд; стыдиться’.

ППерм **ker-* ‘злиться, наносить вред (колдовством, словами)’ можно сопоставлять с ф. (и др. приб.-ф.) *kiroa* ‘бранить, проклинать’, саам (Норв.) *gârro* ‘проклятие’, которое в финской этимологической традиции [SSA I: 371] сравнивают с некоторыми из корней, представленных в гнезде: морд. *kor* ‘скорбь, досада, злость’, манс. (Конда) *χor-* ‘спорить, браниться, проклинать’, хант. (Обд.) *χorəm* ‘злиться, озлобляться’, венг. *harag* ‘гнев, злоба’ < ПФУ **kurz* ‘гнев, гневаться’ [UEW: 220]). ППерм и приб.-ф.-саам. слова отличаются от рефлексов ПФУ **kurz* ‘гнев, гневаться’ по вокализму, для пермских можно предположить сдвиг вокализма вследствие контаминации с реконструируемым здесь ПУ **kerz-* ‘стыд; стыдиться’.

3.3. Зор.

Удм. *zor* ‘дождь’ ~ коми *zer* ‘тж’ < ППерм **zer* ‘дождь’ [КЭСК: 108]. Слову до сих пор не обнаружено надёжных пермских параллелей (предлагаемое в [КЭСК: 108] сопоставление с нен. *sarē* ‘дождь’ абсолютно неприемлемо). Возможно – старое арийское заимствование – ср. др.-инд. *sirī-* ‘ливень’, *sīrā* ‘река, поток’ [Katz 2003: 65], что, однако, вызывает некоторые сомнения фонетического, семантического и исторического порядка. Ср. юкаг. (Т) *erimz* ‘снег’, которое может восходить к ПЮ **θer-* < **ser-* [Николаева 1988а: 259; Николаева 1988б: 83, 86] < ПЮУ **serz* ‘дождь, снег’?

3.4. Туно-пелё.

Второй компонент удм. *tuno-pelo* ‘колдун, ворожей’ едва ли обязательно связывать с *pel* ‘ухо’ (*pelo* ‘имеющий уши, слышащий’ – ?) или *pellani* ‘дуть, заговаривать (болезнь)’, скорее его следует сопоставлять с коми *pel* ‘дед, (почтенный) старик’ < ППерм **pöl* ‘дед’ ~ мар. *pölo* ‘мужской род’ (если последнее слово – не фикция) [КЭСК: 228]. Ср. далее юкаг. (К) *pulut*, (Т) *pöhur* ‘старик’ (у И. А. Николаевой по знаком вопросу сопоставляется с ПУ **pälä* ‘половина’, что, думается, семантически не оправдано) [Николаева 1988: 276] < ПЮУ **pölz* ‘(почтенный) старик’?

3.5. Ужаны.

Удм. *už* ‘работа, труд’, *užani* ‘работать’ ~ коми *už*, *užavni* ‘тж’ < ППерм **už* ‘работа’, **už-al-* ‘работать’, без внешних параллелей. Ср., однако: сельк. *ūčə-* ‘выполнять ручную работу, трудиться, работать’ [Alatalo 2004: 30] < ПУ **učz-* ‘работать, делать’. Далее ср. юкаг. (К) *uši-*, *učil* ‘работник, слуга’ ~ ?? (Т) *ūse-* ‘отвезти, отнести; трогать, касаться; беспокоить’ (материал см.: [Angere 1957: 248; Курилов 2001: 493]). Правда, (Т) *-s-* вряд ли возводимо с доюкагирскому **č*, [Николаева 1988б: 83], и оба слова могут быть просто дериватами юкаг. (К) *ū-* / *uj-* ‘делать, изготавливать, работать’ с суффиксом переходных глаголов (К) *-ši-* [Nikolaeva, Mayer].

3.6. Шодыны.

Удм. *šedjini* ‘чувствовать, догадываться’ (явно связано с *še* ‘чувство, предчувствие’) ~ коми *šod: as šodjen* ‘свободно, без напряжения, не спеша’ ~ мар. *šundaš* ‘отстояться, устояться’ [КЭСК: 320]. Марийское слово едва ли сюда относиться – как по фонетическим, так и по семантическим критериям. В своё время я в связи с этимологией коми *ševa* ‘порча, йкота’ предлагал выводить данные удм. слова от ППерм **šó(j)* / **šü(j)* ‘голос, звук, знак,

ощущение' [Напольских 1999], однако, вероятнее следует разделять значения 'голос, звук' и 'чувство, ощущение' в данном этимоне. Удм. *še, šedini* 'чувствовать, догадываться' и коми *šod* в *as šodjen* можно сопоставить с юкаг. (К) *lej-dī-*, (Т) *lej-rī-* 'знать'. И. А. Николаева сравнивала их с ПФУ **lewδä-* 'находить' [UEW: 247], имея в виду ПЮ **lej-* [Николаева 1988а: 231], но юкагирские формы позволяют реконструировать и ПЮ **θej-*, что вполне сопоставимо (если предполагать, что ПЮУ **š* развивалось в юкагирском так же, как **s* – см. [Николаева 1988б: 83-84]) с **šó-* 'чувство, понятие; чувствовать, догадываться, понимать' < ПЮУ **< *šej-* 'знать, предчувствовать, понимать'?

Список сокращений.

ав. – авестийский, аккад. – аккадский, алт. – алтайский, араб. – арабский, башк. – башкирский, бес. – бесермянское наречие удмуртского языка, булг. – болгарский, бурят. – бурятский, вахан. – ваханский, венг. – венгерский, вост.-иран. – восточноиранский, др.-инд. – древнеиндийский, ингуш. – ингушский, итал. – итальянский, ишкаш. – ишкашимский, казах. – казахский, камас. – камасинский, караим. – караимский, карак. – каракалпакский, карач. – карачаевский, кыпчак. – кыпчакский, малм.-урж. – малмыжско-уржумский (шошминский) диалект удмуртского языка, манс. – мансийский (С – северный, Северная Сосьва), мар. – марийский (Г – горномарийский), мо. – монгольский, морд. – мордовский, нган. – нганасанский, нен. – ненецкий, ново-уйг. – новоуйгурский, осет. – осетинский (иронский по умолчанию), Пар – праарийский (праиндо-иранский), парф. – парфянский, пер.-ю. – периферийно-южные говоры удмуртского языка, перс. – персидский, ПИЕ – праиндоевропейский, ППерм – прапермский, приб.-ф. – прибалтийско-финский, ПСам – прасамодийский, ПУ – прауральский, ПФУ – прафинно-угорский, ПЮУ – праюкагиру-уральский, рус. – русский, руш. – рушанский, саам. – саамский (Норв. – норвежский саамский), сангл. – сангличский, сельк. – селькупский, скиф. – скифский, согд. – согдийский, сойот. – сойотский, ст.-тат. – старотатарский, тадж. – таджикский, тат. – татарский, телеут. – телеутский, туркм. – туркменский, тю. – (обще)тюркский, удм. – удмуртский, ф. – финский, хант. – хантыйский (Обд. – обдорский диалект), хот.-сак. – хотаносакский, хуф. – хуфский, чеч. – чеченский, чув. – чувашский, шугн. – шугнанский, эвен. – эвенский, эвенк. – эвенкийский, юкаг. – юкагирский (К – колымский, Т – тундровый), якут. – якутский.

Литература.

- Алатырев В. И. 1988. Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А–Б. Ред. В. М. Вахрушев, С. В. Соколов. Ижевск.
- Ассирийцы – Матвеев А. К., Матвеев К. П. История и этнография ассирийцев / Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 1. Ассирийцы. Москва, 1990.
- Ахметьянов Р. Г. 1981. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. Москва.
- Ашмарин I–XVII – Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Тома 1–17. Казань – Чебоксары, 1928-1950 (второе, репринтное издание: Чебоксары, 1994-2000).
- Борисов Т. К. 1991. Удмурт кыллюкам. Ижевск.
- Ватка но Калмез – Ватка но Калмез. Удмурт калык легендаос но преданиос. Дасязы Н. П. Кралина, П. К. Поздеев. Ижевск, 1971.
- Верещагин Г. Е. 1886. Вотяки Сосновского края / Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Том 14, вып. 2. СПб.
- Верещагин Г. Е. 1889. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Том 14, вып. 3. Санкт-Петербург.
- ГТРАС – Мәхмутов М. И., Хәмзин К. З., Сәйфуллин Г. Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге (татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре). Т. 1-2. Казан.

- ИД – Идегэй дастаны. Режим доступа: [<http://tatarca.boom.ru>]
- ИЭСОЯ I–V – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1-5. Москва – Ленинград, 1958-1995.
- Йеттмар К. 1986. Религии Гиндукуша. Москва.
- Климов Г. А., Эдельман Д. И. 1979. К этимологии *Albasty / Almasty* // Советская тюркология, 3. Баку.
- Курилов Г. Н. 2001. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск.
- Напольских В. В. 1997. Из удмуртской мифологии: этимологические этюды // Пермистика 4. Ред. Кельмаков В. К. и др.. Ижевск.
- Напольских В. В. 1999. Этимология коми *шева* // *Linguistica Uralica*. Т. 35, №1. Tallinn.
- Николаева И. А. 1988а. Проблема урало-юкагирских генетических связей. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук (рукопись). Москва.
- Николаева И. А. 1988б. О соответствиях уральских аффрикат и сибилантов в юкагирском языке // Советское финно-угроведение. Т. 24, №2. Таллинн.
- ОИЯ Сред – Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. Москва, 1981.
- Попова Е. В. 2004. Календарные обряды бесермян. Ижевск.
- Потанин Г. Н. 1884. У вотяков Елабужского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 3 (1880-1882). Казань.
- СЛГТ – Сказки и легенды горных таджиков. Сост., пер., коммент. А. З. Розенфельд, Н. П. Рычкова. Москва, 1990.
- Стеблин-Каменский И. М. 1999. Этимологический словарь ваханского языка. Санкт-Петербург.
- УРС – Удмуртско-русский словарь. Ред. В. М. Вахрушев. Москва, 1983.
- Федотов М. Р. I-II. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1-2. Чебоксары, 1996.
- Фоссе Ш. 2001. Ассирийская магия. Систематическое исследование магических текстов. Пер. Санина В. Л., Емельянова В. В. Ред. Емельянов В. В. Санкт-Петербург.
- Хинц В. 1977. Государство Элам. Пер. Л. Л. Шохиной. Москва.
- ЭСИЯ I- – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1- . Москва, 2000- .
- Alatalo J. 2004. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Hrsg. von Jarmo Alatalo / *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, 30. Helsinki.
- Angere J. 1957. *Jukagirisch-deutsches Wörterbuch*. Zusammengestellt auf Grund der Texte von W. Jochelson. Wiesbaden.
- Csúcs S. 1990. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen / *Bibliotheca uralica*, 10. Budapest.
- Dörfer TME I-III – Dörfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. 1-3. Wiesbaden, 1963-1967.
- Edige – Edige. A Karakalpak oral epic as performed by Jumabay Bazarov. Ed. and transl. by Karl Reichl / *Folklore fellows' communications*, 141, No. 293. Helsinki, 2007.
- Janhunen J. 1977. *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien / Castrenianumin toimitteita*, 17. Helsinki.
- Katz H. u. a. 2003. Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörter in den uralischen Sprachen. München.
- Keel O. 1972. Die Welt der Altorientalischen Bildsymbolik und das Alte Testament. Am Beispiel der Psalmen. Köln, 1972.
- Munkácsi B. 1896. *A votják nyelv szótára*. Budapest.
- Munkácsi B. 1901. *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben*. Budapest.

Munkácsi B., Kálmán B. 1986. Wogulisches Wörterbuch. Budapest.

Nikolaeva I., Mayer Th. Yukaghir-English dictionary. Режим доступа: [<http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/nikolaeva/documentation>]

Schiltberger H. J. 2000. Schiltbergers Irrfahrt durch den Orient: der aussehenerregende Bericht einer Reise, die 1394 begann und erst nach über 30 Jahren ein Ende fand. Übertr. und hrsg. von Markus Tremmel. Taufkirchen.

SSA I-III – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. N. 1-3. Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen ja m. Helsinki, 2001.

VEWT – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 17:1. Helsinki, 1969.

Wichmann Y. 1903. Die Tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen / Mémoire de la Société Finno-Ougrienne, 21. Helsinki.

Wichmann Y. 1987. Wotjakischer Wortschatz / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 21. Helsinki, 1987.